

Учебник философии как проблема текстовой культуры¹

Рыскельдиева Л. Т.

*Доктор философских наук, профессор
Таврическая академия КФУ им. В. И. Вернадского
(г. Симферополь, Российская Федерация)*

Зарапин О. В.

*Кандидат философских наук, доцент
Таврическая академия КФУ им. В. И. Вернадского
(г. Симферополь, Российская Федерация)*

УДК 130.2

Ставится проблема особенности учебника философии как формы текстовой культуры. Такая форма текстовой культуры: 1) совмещает философский смысл и научную коммуникацию; 2) реконструируется в сопоставлении текстов Анаксагора и В. И. Вернадского.

Ключевые слова: учебник по философии, ноосфера, текстовая культура.

Textbook on philosophy as a problem of text culture

Ryskel'dyieva L. T.

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor.
Taurida Academy of V. I. Vernadsky CFU
(Simferopol, Russian Federation)*

Zarapin O. V.

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Taurida Academy of V. I. Vernadsky CFU
(Simferopol, Russian Federation)*

It is posed the problem of the feature of the textbook on philosophy as a form of text culture. This form of text culture: 1) combines philosophical meaning and scientific communication; 2) is reconstructed in comparison of the texts of Anaxagoras and V. I. Vernadsky

Keywords: textbook on philosophy, noosphere, text culture.

1. Философия как учебная дисциплина представляется важной компонентой образовательного процесса в высшей школе. Решаемые в рамках преподавания философии задачи нацелены на освоение достаточно сложной компетенции, связанной с формированием мировоззренческой позиции студента. Вопросы - что значит мировоззренческая позиция? как ее оценить или измерить? каким образом корректировать мировоззрение? – становятся особенно острыми как только речь заходит об учебнике по философии. Общение студента и преподавателя является текстово-опосредованным процессом коммуникации – это отголосок традиции «курсорного чтения» (*lectio cursoria*), которая лежала в основе средневекового университета и сегодня эта традиция наследуется в обсуждении проблемы того, каким должен быть современный учебник философии. Чаще всего выдвигаемые параметры (с учетом специфики студентов, интересный, обладающий практическим значением, нацеленный на проблемное изложение материала и т. д.) наталкиваются на трудности согласования параметров друг с другом. Так, к примеру, стремление заинтересовать читателя трудно совместить с проблемной подачей материала, требующей усилия сосредоточения, зачастую

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ-ОГОН, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

оцениваемого как скучное. Является ли это вопросом литературного мастерства автора? Думается, мы имеем дело с проблемой особенности текстовой организации коммуникации преподавателя и студента. Стоит подчеркнуть, по нашему мнению, эта особенность является объективно фиксируемой и не схватывается в терминах трудноуловимой и непрозрачной инстанции авторского мастерства. Попробуем выявить эту особенность как особенность учебника по философии.

2. Понятие «учебник» родом из науки. Их соединяет смысловая связь, обнаруживаемая в глаголах «учить», «научить», «изучить». Не является ли понятие «учебник по философии» оксюмороном? Вопрос весьма уместный, ведь, философия отличается от науки так, что речь идет о несомненно различных видах интеллектуальной деятельности. В чем сходство и различие этих видов можно понять посредством сравнения. Конечно, для сравнения нужно иметь основание как некий общий класс предметов, которому в равной мере принадлежат философия и наука. Что является предметностью, в рамках которой их можно было бы уравнивать и тем самым выявить возможные точки расхождения и сближения? Можно пойти по пути Гегеля и сказать, что такой предметностью выступает исторический процесс, внутри которого от философии отпочковывается наука. В противовес гегелевскому историцизму выступает сформулированная в традиции романтиков идея гармоничной и всесторонне развитой личности, которая на манер Гете объединяет в себе философствующего мыслителя, естествоиспытателя и поэта. Мы полагаем, что «история» или «личность» как основания сравнения философии и науки не релевантны вопросу об учебнике. Для релевантности необходима привязка к тексту, в плане истории осмысливаемая как некоторый способ создания, хранения и трансляции текстов, а в плане личности – как требующая организационного усилия коммуникативная ситуация общительности автора и читателя. Таким образом, в качестве основания для сравнения философии и науки, по нашему мнению, следует рассматривать текст как форму коммуникации, которая оговаривает условие собственного воспроизводства (культивирование) и тем самым расширяется до понятия «текстовая культура».

3. Чтобы выявить в рамках текстовой культуры особенность учебника философии, имеет смысл сопоставить классические и современные тексты, находящиеся на стыке философской и научной мысли. Такое сопоставление позволит выявить тот способ воспроизводства коммуникации, который, будучи устойчивым к историческим изменениям, функционирует как сложившаяся и самодостаточная текстовая форма, находящая свое проявление в том числе и в текстах такого типа, как учебник философии.

4. Удобный случай обратить внимание на высказанную В. И. Вернадским идею ноосферы и сопоставить с древним учением Анаксагора о космическом Нусе. Возможность подобного сопоставления подсказывает общий корень *νοῦς*. В обоих случаях мы имеем дело с мыслью на стыке научного познания природы и философского самопознания, где *νοῦς* обыгрывается в двузначности человеческой способности и космической силы миротворения [5]. Какие моменты образуют особенность данного типа мышления в плане его текстового выражения? 1) Произведение Вернадского «Научная мысль как планетное явление» характеризуется в жанре философских мыслей натуралиста. Натурфилософский трактат Анаксагора представляет собой поздний (пост-парменидовский) вариант «фисики» [6]. В жанровом плане их объединяет стилистика натуралистического подхода. 2) Много общего в формате текста. Как в случае Вернадского, так и в случае Анаксагора мы располагаем текстами в виде фрагментов, что можно рассматривать как особый формат. Такой формат, покрывающий большинство из «дошедшего до нас», представляется благодатным полем для исследования и герменевтики, требует от интерпретатора взвешенности и трезвого подхода к собственной мысли. 3) Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что Анаксагор намеренно публикует свой текст как общедоступный и не ограничивает круг читателей. Сходным образом действует и Вернадский, для которого широкое распространение идеи ноосферы – одна из ключевых задач современной науки, выступающей как сила, объединяющая все человечество.

5. Подчеркнем, по нашему мнению, ключевую особенность коммуникативной ситуации, образуемой текстом типа Анаксагора или Вернадского. Речь идет о коммуникации, осмысливаемой как публикация, для которой характерна открытость в отношении возможного адресата. Кто может выступить в качестве адресата, какие знания и способности для этого нужны? Публикация как выход в публичность снимает такой вопрос с повестки дня, поскольку рассчитывает на всякого без исключений. Подобный расчет входит в конфликт с философской традицией, сформировавшейся как практика изустного и таким образом адресного общения. Платон, критикующий письменность как основу философствования (VII письмо), является носителем знания, предназначенного для посвященных [4, 341c–344d]. Проблема «неписаного Платона» [3] означает, что философской мысли внутренне присущ эзотерический компонент. Он – в метафизическом «слое» текстов, который представлен идеей «нуса» и «ноосферы». Хотя эзотерический компонент философского смысла и присутствует в коммуникации, реализуемой в текстах Вернадского и Анаксагора, он спрятан и не определяет характер коммуникативной ситуации. Мы полагаем, что имеем дело не с единичным случаем, а с устойчивой формой текстовой культуры, которая стремится если и не снять, хотя бы ослабить противоречие между эзотерией философского смысла и публичностью вмещающей его коммуникации. Можно сказать, что это форма текста теоретической философии с предельно расширенным адресатом. Рискнем предположить, что научный текст в своем генезисе – это текст теоретической философии «для всех», опубликованный, то есть «выведенный» на суд непосвященных (греч. *ἔκδοσις* означает «выдачу чего-либо», «издать книгу» стоит в ряду таких значений, как «выдать замуж» или «выдать денежную ссуду»).

6. Возвращаясь к проблеме учебника по философии, заметим, что особенность связанной с ним коммуникации определяется параметром адресата. Учебник философии воплощает форму текстовой культуры, стремящуюся ослабить конфликт между эзотерией и публичностью. Содержащаяся в форме напряженность (бесконечно длящееся решение, которое нельзя привести к объективному результату) отражается в коммуникации как необходимость отыскать тот баланс или трудно уловимую меру, позволяющую говорить со всеми так, будто говоришь с каждым лично. Это коммуникативный идеал, в стремлении к которому, как мы полагаем, и реализуется особенность текстовой организации общения преподавателя философии со студенческой аудиторией.

Список литературы

1. Анаксагор // Фрагменты ранних греческих философов, часть I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Под ред. А. В. Лебедева. – М.: Наука, 1989. – С. 505–534.
2. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Книга вторая / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1977. – 191 с.
3. Кремер Г. И. Арете по Платону и Аристотелю / Г. И. Кремер. – СПб: 2014.
4. Платон. Письма // Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Часть 2. – Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. – М.: «Мысль», 1972. – С. 506–567.
5. Робинсон Т. Сократ, Анаксагор, Nous и Noesis / Т. Робинсон; перевод Е. Ю. Полихрониди // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Выпуск 5. Сб. статей / Отв. ред. А.В. Цыб. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. – С. 40–48.
6. Graham D. W. Explaining the Cosmos: the Ionian Tradition of Scientific Philosophy – Princeton University Press, 2006 – 344 p.